

18+  
ЛИНА БАРАНОВСКАЯ

# Брак (не)по вкусу

Градус бытовой магии

**Лина Барановская**  
**Брак (не) по вкусу.**  
**Градус бытовой магии**

*<https://litres.ru/74374513>*

*ISBN 9785007101080*

**Аннотация**

Я — земной инженер, привыкший доверять только цифрам, логике и точному расчету. Но судьба забросила меня в суровое магическое Пограничье, где контур моей жизни дал сбой. Теперь в моих руках — полуразрушенная мануфактура отца, а вокруг — вечная мерзлота, за которой пульсирует смертоносная Бездна. Местный криминал требует отдать чаны за долги, но у меня в руках диплом инженера и магия очищения...

# Содержание

|                                                            |    |
|------------------------------------------------------------|----|
| Глава 1. Ледяной ультиматум                                | 5  |
| Глава 2. Молекулярный отбор                                | 11 |
| Глава 3. Огненный лед и крылья за спиной                   | 16 |
| Глава 4. Первый гарнизонный куш                            | 20 |
| Глава 5. По закону дикого рынка                            | 25 |
| Глава 5. Ночной досмотр                                    | 36 |
| Глава 7. Контрабандный обоз                                | 41 |
| Глава 7. Тайны старого фундамента                          | 46 |
| Глава 8. Тяга, законы термодинамики и<br>подвальный капкан | 52 |
| Глава 9. Глаза во тьме                                     | 58 |
| Глава 11. Анатомия скверны                                 | 64 |
| Глава 12. Чертежи из пепла                                 | 74 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                          | 77 |

# **Брак (не) по вкусу. Градус бытовой магии**

**Ли́на Бара́новская**

© Лина Барановская, 2026

ISBN 978-5-0071-0108-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Глава 1. Ледяной ультиматум

Первым делом я почувствовала холод. Он пробирался под ребра, зверски кусал за пальцы и вонял кислятиной, тухлыми дрожжами и мокрым старым деревом.

Я задыхалась. Легкие разрывало от невыносимого, сухого жара, а в ушах все еще стоял этот проклятый, сводящий с ума рев. Белая вспышка. Лопнувший фланец ректификационной колонны. В лицо летит стоградусный перегретый пар, выжигая кислород в радиусе трех метров...

Я сидела прямо на грязном каменном полу, безуспешно пытаюсь запихнуть под зад подол дурацкого серого платья. Кожаное сукно стояло колом, а рукава чесались так, словно в них насыпали стекловаты. Вокруг простиралась огромная, гулкая коробка заброшенного цеха. Сквозь дырявое круглое окно под самым потолком падал бледный свет, выхватывая из темноты силуэты массивных медных чанов и перекошенный перегонный куб. Настоящая винокурня образца девятнадцатого века. Похожие агрегаты я видела только на архивных фото, когда училась на ликеро-водочном.

Хлопка не было. Вместо ревущего цеха ликеро-водочного завода надо мной качался глухой, полутемный потолок из толстых, закопченных бревен. Пахло не чистым этанолом, а сыростью, мышами и застарелой плесенью. Меня колотило в такой яростной, безумной лихорадке, что зубы стучали, как

кастаньеты.

Голова раскалывалась так, будто по ней проехался каток. Вдобавок к чужому телу в комплекте шло странное «приложение» — чужие воспоминания, которые всплывали в мозгу, как дурацкие уведомления на смартфоне.

Я попыталась подняться, опираясь ладонями о ледяной камень, и замерла, уставившись на свои руки. Это были не мои руки. Вместо привычных, огрубевших от работы пальцев тридцатилетнего инженера и начальника цеха я видела тонкие, бледные запястья девчонки, у которой от холода уже посинели ногти. На мне было надето тяжелое, грязное платье из грубой шерсти, а в голове чужеродным слоем всплывали чужие, испуганные мысли.

*Элиза Алуа. Девятнадцать лет. Отец окончательно спился и сгорел от болезни после того, как дела пошли прахом. Завод официально опечатали за долги перед деревенской управой. Ей нечем топить печи. Она просто легла здесь, у остывшего перегонного куба, чтобы тихо умереть во сне от голода и холода.*

— Ну уж нет, девочка, — прохрипела я, и мой новый голос прозвучал слабо, со свистом. К горлу подкатил сухой кашель. — Я на Земле не для того пахала ночными сменами и выбивала подряды у местных бандюков, чтобы умереть во второй раз в каком-то средневековом сарае.

Итак, теперь меня зовут Элиза. Отец обанкротился и благополучно преставился, старшая сестра сбежала с каким-то

заезжим гастролером, а мне в наследство достался этот разваливающийся завод на самой границе с ледяными пустошами. Ну и слабенький «бытовой» дар в груди. Местное общество считало его пригодным разве что для мытья тарелок.

— Ох, миледи Элиза... Живая! Милосердный Хранитель, живая! — раздался из угла дребезжащий голосок.

Из-за груди пустых ящиков выполз невысокий сутулый старик в чиненом-перечиненном кафтане. Седая борода топорщилась в стороны, а в руках он судорожно сжимал треснувший кувшин. По обрывкам памяти Элизы я узнала его. Фома. Старый винокур моего отца. Единственный, кто не сбежал, когда за долги описывали заводское имущество.

— Я уж думал, всё, — запричитал старик, пытаюсь подтянуть меня за локоть. Руки у него были сухие и мозолистые. — Как батюшка ваш помер, вы как не в себе были. Три дня пластом лежали в камерке, а сегодня прибежали сюда да на пол рухнули... Замерзнете ведь! Тут сквозняки такие, что у чертей зубы стучат.

Я поднялась на ноги, брезгливо отряхивая юбку. На ладонях остался липкий сивушный налет. В чанах кисла мерзкая зеленая жижа, а в углах валялись пустые мешки из-под зерна. Если ничего не предпринять, к утру мы с Фомой просто превратимся в сосульки.

— Не замерзнем, Фома, — я вытерла руки о подол. Голос прозвучал хрипло, но твердо. — Технологи спиртового производства и не из таких долгостроев бизнес выжимали.

— Кто-кто, миледи? — вылутился на меня старик.

— Неважно. Помощь твоя нужна.

Я прислушалась к теплому комку в груди. Бытовая магия. Посмотрим, на что способна эта «магия прачек», если применить её с умом и знанием нормальной химии. Я подняла руку и с силой щелкнула пальцами, направив импульс прямо на медный змеевик куба.

Из ладони выплеснулась бледная сиреневая волна. С тихим шуршанием она прошла по трубам, буквально сдирая зеленоватый налет, окислы и вековую накипь. Из недр холодного аппарата со свистом вырвалось плотное облако серой сухой пыли, осевшее на каменный пол, а медь под ней засияла так, словно её только что отполировали на станке. Направленный импульс и правильное заземление — магия среагировала на мои земные знания о физических процессах.

Старик Фома от неожиданности охнул и выронил кувшин. Тот с глухим стуком покатился по полу.

— Единый под Крышкой... Миледи, да как же? Вы же из искры своей едва струйку теплой воды выжать могли, чтобы кружку сполоснуть! А тут... куб заблестел!

— Нас в институте хорошо учили, Фома, — отозвалась я.

Еще несколько щелчков — и огромные затирочные чаны очистились от скверны, а плесень со стен свернулась в сухие серые комки. Воздух наконец-то перестал смердеть тухлятиной. Теперь здесь пахло чистой медью и сухим дубом.

Я подошла к последним двум мешкам, брошенным в углу ларя, и запустила руку внутрь.. Зерно. Синее, покрытое ледяной коркой — местный злак «инейник».

— Фома, из этого синего зерна наши умельцы что гнали?

— Так сивуху обычную, ведерную, — вздохнул старик, стыдливо пряча глаза. — Мутная она, как болото, и прет от нее дохлой лисой. Драконы из гарнизона её берут, когда совсем прижмет в лютый мороз, но ругаются страшно. У них ведь от сивушных масел магия в крови бунтовать начинает. На утро голова у них раскалывается так, будто по ней боевым молотом стучали.

— Естественно, бунтует, — я пересыпала синие зерна между пальцев. Дракони́й метаболизм явно был чувствителен к метанолу и высшим спиртам. — Они гнали спирт-сырец целиком, заставляя людей пить уксусный альдегид. Но если затереть это сусло при правильной температуре, а при перегонке использовать мою бытовую магию как идеальный молекулярный фильтр, отделяя вредные «хвосты» и «головы» спирта... Получится слеза младенца. Драконы выстроятся в очередь.

— Не выстроятся, — раздался от дверей тяжелый, роко-чущий голос, от которого задрожали стекла в окнах.

Тяжелые дубовые створки ворот винокурни вылетели внутрь с сухим треском. Снаружи ворвался ледяной вихрь, закружив по полу остатки сора. На пороге стоял мужчина. Огромный, широкоплечий, в черном мундире с серебряным

шитьем. Глаза горели вертикальным зрачком, а кожа на запястьях и шее отливала морозно-синей чешуей.

Фома сдавленно пискнул и мгновенно спрятался за мою спину, намертво вцепившись пальцами в серое сукно платья.

— Генерал... сам генерал Валлиан Блейк, — в ужасе прошептал старик мне в самое ухо.

Генерал окинул чистый, сияющий медью зал удивленным взглядом, на секунду задержался на начищенных чанах, но быстро вернул лицу каменное выражение. Он остановился в паре метров от меня.

— Леди Элиза? Я пришел закрыть это производство, — голос Блейка прозвучал как удар обуха по наковальне. — По распоряжению Имперской Акцизной Палаты, мануфактура вашего отца арестована за крупную задолженность перед деревенской управой Хаггарда. Сдайте ключи. Здание переходит под нужды гарнизона, завтра здесь начнут обустраивать казармы для штурмового полка.

Я не сдвинулась с места, чувствуя, как за спиной крупно дрожит Фома. Только сильнее сжала в руке горсть синего зерна.

— Казармы? Боюсь, произошла ошибка, генерал Блейк. По имперскому закону у меня есть три месяца отсрочки на выплату долгов и налогов с момента вступления в наследство, а моё производство уже запущено. Баланс я сведу, а отцовские обязательства перед Палатой закрою готовым продуктом.

## Глава 2. Молекулярный отбор

Валлиан Блейк медленно перевел взгляд с моего кулака, в котором я всё еще судорожно сжимала синее зерно, на сияющий змеевик. Его безупречный черный мундир казался издевкой на фоне этой грязной коробки, а морозный воздух, хлынувший за ним с улицы, заставил Фому за моей спиной зубодробительно и громко чихнуть.

— Запущено? — дракон приподнял бровь. На его скуле едва заметно полыхнул синеватый отблеск. — Леди Элиза, вы путаете капризы с реальностью. Это место — вонючая дыра, производившая чистый яд. Мои солдаты после вашей «огненной воды» мечи в руках держать не могут. У них магия в жилах вскипает и выжигает каналы. Это не производство. Это вредительство.

— Это было вредительством, пока за дело не взялся специалист, — я шагнула вперед, проигнорировав Фому, который попытался поймать меня за подол платья. — Мой дорогой покойный батюшка совершал базовую технологическую ошибку. Он гнал спирт-сырец целиком, заставляя ваших людей пить сивушные масла, уксусный альдегид и тонны метанола. Именно от этой дряни драконий метаболизм и сходит с ума. На утро голова раскалывается не от магии, а от банального отравления. Но если убрать примеси...

— Это невозможно, — отрезал генерал. Голос у него был

как хруст наста под сапогом. — Особенности инейника. Зерно растет на вечной мерзлоте, в его соке слишком много темной стужи. Его нельзя очистить обычным огнем.

— Обычным огнем — нельзя. А законами химии и бытовой магией — запросто, — я чуть прищурилась, смело глядя прямо в его пронзительные, льдисто—синие глаза дракона.. — Вы же военный, генерал. Вы привыкли доверять фактам, а не бабьим сказкам. Давайте заключим пари.

Блейк замер. Наверное, за всю его блестящую карьеру ни одна человеческая девица в заплатках и с грязной полосой сажи на щеке не предлагала ему, наместнику пограничных земель, азартных сделок прямо посреди заброшенного завода.

— Пари? — в его глазах промелькнул опасный, притягательный интерес. — И какова ставка?

Дайте мне ровно один час, — я указала рукой, в которой все еще были зажаты синие зерна, в сторону старинного имперского куба. — Я запущу экспресс—перегонку прямо из тех остатков подпорченного инейника, что брошены в углах ларей. Из этого брака ваши умельцы выгнали бы тонну ядовитой мути, но если я затру сусло при правильной температуре, а мой бытовой дар сработает как молекулярный фильтр... Получившийся напиток будет чистым. Если он заставит вас хотя бы поморщиться, если от него у вас хоть на секунду затуманится магия или заболит голова — я лично отдам вам ключи. Сама соберу вещи и уйду на все четыре

стороны.

— А если нет? — Блейк скрестил руки на груди. Его серебряное шитье на манжетах тускло блеснуло в полумраке.

— Если напиток окажется кристально чистым и безопасным для драконов — вы дадите мне те самые законные три месяца на выплату налогов. И не будете совать нос в моё производство. Идет?

Генерал молчал, взвешивая предложение. Он явно рассчитывал забрать ключи без лишней бумажной волокиты, но драконья спесь не позволяла ему отступить перед вызовом человеческой девчонки.

— Час, леди Элиза, — наконец кивнул он. — Я подожду здесь. Но учтите: если вы попытаетесь подмешать туда приворотные зелья, стимуляторы или запрещенные алхимические присадки, эта мануфактура будет немедленно конфискована в пользу Короны, а вы отправитесь в каторжные казематы за диверсию против имперского гарнизона. Без права на обжалование.

— Мне не нужны зелья. Мне нужен точный технологический расчет, — я повернулась к замершему Фоме. — Фома, хорош дрожать! Быстро неси чистую воду из колодца. Засыпай дробленое зерно из последнего ларя прямо в затирочный чан и заливай кипятком. Делаем экспресс-затор. Заливаем куб на треть. Живо!

Старик, подгоняемый ужасом перед генералом и неожиданным командным тоном своей всегда тихой миледи, поле-

тел выполнять поручения со скоростью молодого парня.

Я подошла к перегонному кубу старинного имперского литья, положив ладони на холодную медь. Комок магии в моей груди отозвался приятным, ровным теплом. Сейчас мне предстояло использовать бытовой дар очищения для ускорения ферментации, а затем — в качестве высокоточного молекулярного фильтра. Как только Фома залил воду к зерну, я направила сиреневый импульс прямо вглубь затирочного чана, заставляя крахмал инейника мгновенно расщепиться на сахара, а затем силой дара за секунды запустила процесс экстремального брожения, принудительно превращая сусло в готовую к перегонке брагу. Получившийся продукт с тихим журчанием потекло по трубам в куб.

— Фома, разжигай топку! Держи средний огонь, остальное моя забота.

Когда брага закипела, я благодаря дару четко почувствовала, как по медным патрубкам пошли первые, самые легкие пары — ядовитые «головы» спирта, пахнувшие ацетоном. В моем мире их безжалостно сливают в технические отходы. Здесь же их пили вместе с остальным алкоголем. Я заставила сиреневую искру магии заблокировать выходной змеевик для этих паров, перенаправляя их в отдельную, грязную бутыл.

— Вот это — чистая отравка, — громко сказала я генералу, который внимательно наблюдал за каждым моим движением. — Из-за этого ваши солдаты слепнут и дуреют.

Затем пошло «тело» — чистейший этиловый спирт, обогащенный мягкой морозной магией зерна. Я открыла фильтр. В подставленный Фомой хрустальный бокал побежала тонкая, абсолютно прозрачная струйка. Никакой мути. Никакого сивушного запаха прелой шкуры. Только чистый, резкий аромат свежей хлебной корочки.

Я вовремя перекрыла кран, как только почувствовала приближение тяжелых, маслянистых «хвостов». Перегонка была завершена. Прошло ровно сорок минут.

Я взяла бокал, в котором искрилась жидкость, похожая на жидкий бриллиант, и повернулась к Валлиану Блейку. Напиток слегка парил от высокой крепости и жара только что покинувшего куб дистиллята

— Ваша слеза младенца, генерал, — я протянула ему хрусталь. — Без примесей. Без сивухи. Прошу.

Блейк шагнул ближе, едва не задев плечом низкую балку. Его огромные пальцы перехватили тонкую ножку бокала. Он поднес его к лицу, вдохнул аромат и удивленно замер — резкий, но удивительно чистый запах явно его поразил. Дракон посмотрел на меня сверху вниз так, будто я сумасшедшая, а потом одним махом, решительно влил в себя всё содержимое бокала.

## Глава 3. Огненный лед и крылья за спиной

Генерал сделал глоток. Я замерла, внимательно наблюдая за его лицом. Фома за моей спиной, кажется, вообще перестал дышать.

Первую секунду не происходило ничего. Блейк просто держал напиток во рту, оценивая текстуру и плотность. Затем его кадык дернулся. Алкоголь пошел вниз.

И тут же ледяной дракон резко, судорожно выдохнул. Его вертикальные зрачки расширились так сильно, что радужка почти исчезла, став иссиня-черной. Морозно-синяя чешуя на его щеках и запястьях мгновенно налилась ослепительным, пульсирующим неоновым светом.

— Генерал? — сделала я шаг назад.

Он не ответил. Валлиан Блейк закинул голову назад, и из его груди вырвался глухой, вибрирующий рокот, от которого медные чаны винокурни жалобно загудели. Воздух вокруг него мгновенно остыл, смешиваясь с ледяными искрами магии.

А в следующее мгновение за его спиной с сухим, хлестким звуком раскрылись исполинские полупрозрачные крылья. Синие, словно высеченные из реликтового ледника, переливающиеся миллиардами искр. Они заняли половину за-

ла, начисто сменя крылом пару пустых деревянных ящиков в углу.

Фома с диким воплем повалился на пол и закрыл голову руками.

Крылья продержались всего три секунды. Они затрепетали, вспыхнули ярче и растаяли в воздухе хлопьями сизого морозного пара, который тут же осел на медных трубах старинного куба колючим, искрящимся инеем.

Валлиан Блейк медленно опустил голову. Он тяжело, глубоко дышал, глядя на пустой хрустальный бокал в своей руке так, словно держал в пальцах живую молнию.

— Что... что это было? — хрипло спросил он. Его голос больше не был ледяным, в нем отчетливо рокотал настоящий, живой огонь.

— Это дистиллят из инейника, генерал. Без ядов, — я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально уверенно, хотя сердце в груди колотилось как сумасшедшее. — Морозное зерно копит в себе чистую магию стужи. Раньше сивушные масла блокировали ваши каналы, вызывая спазм и похмелье. А теперь... теперь чистый спирт сработал как идеальный проводник. Он мгновенно доставил скрытую магию зерна прямиком в ваше драконье ядро. Ваша энергия просто... обновилась. И расширилась.

Блейк молчал. Он медленно сжал и разжал кулак. На его пальцах на мгновение показались и исчезли острые когти. Напряжение, которое он явно носил в себе неделями из-за

сурового пограничного климата, бесследно исчезло. Его лицо разгладилось.

— Невероятно, — тихо произнес он, наконец посмотрев на меня. Теперь в его взгляде не было пренебрежения. Только жесткий, глубокий и очень опасный интерес мужчины, который нашел сокровище. — Напиток не просто согревает. Он восстанавливает резерв. Без капли истощения.

— Значит, пари выиграно? — я приподняла бровь, указывая на ключи от винокурни, которые он всё ещё сжимал в левой руке.

Генерал Блейк посмотрел на ключи, затем перевел взгляд на меня. На его губах впервые появилась едва заметная, ироничная усмешка. Он медленно положил связку на начищенный дубовый стол.

— Вы выиграли три месяца, леди Элиза. Но не думайте, что я оставлю вас в покое.

Он повернулся к выходу, но у самых дверей остановился. Мундир Блейка снова сидел безупречно, и только легкий пар от его дыхания напоминал о том, что произошло секунду назад.

— Фома! — гаркнул генерал, отчего старик на полу снова вздрогнул. — Налей эту «слезу младенца» в бутыль. Я забираю её с собой. Для... дальнейшего анализа в штабе гарнизона.

— Слушаюсь, господин генерал, сейчас, вмиг! — засуетился старик, подхватывая пустую глиняную посудину.

— И еще, Элиза, — Валлиан Блейк обернулся, зафиксировав меня своим тяжелым взглядом. — Завтра к вам придет мой личный адъютант. С охраной. Пограничные земли полны контрабандистов и диких тварей. А мне бы очень не хотелось, чтобы единственный технолог, способный пробуждать драконью магию, пострадал до того, как выплатит налоги в имперскую казну.

Дверь за ним захлопнулась, оставив нас в тишине, нарушаемой лишь тихим бульканьем остывающего перегонного куба.

## Глава 4. Первый гарнизонный куш

Генерал ушел, оставив после себя жуткий сквозняк и сорванную с петель дубовую дверь. Фома теперь уныло ковырялся у порога, пытаясь приладить эту махину обратно с помощью ржавого топора и такой же матери.

— Ох, миледи Элиза... Ну и дела, — старик шумно вытер со лба соленый пот грязным рукавом и уставился на меня с каким-то диким суеверным почтением. — Сам наместник Блейк у нас из рук пил! Если б мне кто утресь такое ляпнул — я бы дедушке тому всю бороду повыдергал за брехню. Но три месяца... Срок-то малый. Налог имперский — двести золотых лир! Где ж мы столько зерна наберем, чтоб такую гору золота отдать?

— Зерно — дело десятое, Фома. Сейчас нам нужен эксклюзив, — я подошла к столу, где тускло поблескивала бутыл с остатками нашего первака. — Чистый спирт — это скучно. Нам нужен коммерческий продукт. Чтобы согревал с первой стопки, стоил копейки, а солдаты за ним перли через сугробы толпами. Что у нас в закромах из старья осталось?

Фома почесал бороду, оставив на щеке след от сажи.

— Так ягода в подполе есть, миледи. С прошлого года лежит, льдом присыпана. «Кровь тундры». Болотная кислятина, рот сводит так, что глаза лопаются. Её наши бабы сушат да в кипяток бросают от простуды. Да еще корень «огневи-

ка» в мешках вялится, покойный батюшка ваш думал из него мазь для коней делать, да не успел...

— Тащи всё наверх, — я засучила рукава, чувствуя, как внутри просыпается азарт заправского технолога. — Кислые ягоды и ядреный корень — готовый рецепт согревающего бальзама. Настоящий земной спотыкач, только на местном сырье.

Через десять минут на дубовом столе высился чан со спелой, темно-рубиновой ягодой, похожей на перезревшую болотную клюкву, и пучок волокнистых, пахнущих дикой смесью хрена и имбиря корней.

В нормальном мире на хорошую настойку уходят недели. Спирт должен долго вытягивать из сырья эфирные масла и цвет. Но у меня в груди сидел этот чертов бытовой дар. Магия прачек. Что ж, если она умеет молекулы грязи из ткани выбивать, то и сок из ягод выдавит за милую душу.

Я засыпала ягоды в чан, швырнула туда нарезанный кружками огневик, залила всё нашим дистиллятом и намертво вцепилась ладонями в деревянные края.

Внутренний комок магии неохотно вытолкнул сиреневую искру. Я мысленно задала процессу жесткий ультразвук-режим. Жидкость в чане глухо зашумела. Под направленным давлением магии прочные шкурки ягод начали с треском лопаться, выплескивая густой, вязущий рубиновый сок. Спирт мгновенно потемнел, наливаясь цветом хорошего мерло. Мой бытовой фильтр тут же намертво связал из-

лишнюю, режущую горечь огневика, превратив её в приятное пряное покалывание. Пять минут судорог — и вместо мутного компота в чане искрился плотный, прозрачный ликер. Огненная клюковка.

Я зачерпнула немного деревянной ложкой и влила в рот. Сначала язык обожгло дикой кислятиной, потом мазнуло сладостью, а через секунду по пищеводу бухнула такая тяжёлая, горячая волна, что я невольно закашлялась, а из глаз брызнули слезы.

— Убойная штука. Фома, хватай воронку, разливай по бутылкам. Кажется, мы спасены.

Мы успели укупорить всего пять посудин, как многострадальная дверь винокурни, державшаяся на честном слове, снова со скрипом поползла внутрь. На пороге нарисовалась троица. На этот раз обошлось без генералов — обычная армейская пехота в серых шинелях, покрытых коркой инея. Носы у парней были синие, а зубы стучали так, что слышно было с порога. На наплечниках — знаки младших офицеров.

— Эй, хозяева! — хриплым, прокуренным басом крикнул тот, что пошире, с густыми усами. — Тут наместник Блейк мимо лагеря проезжал, у него к седлу бутылъ знатная была приторочена. Сказал, у вас тут лавочку прикрыли за долги, а остатки изъяли. Но мы-то армейские волки, знаем: ушлые винокуры всегда пару литров для своих ныкают. Налейте чего попроще, а? На стене околели, пальцев на ногах уже не чуем. Имперский спирт колом в глотке стоит, а тепла от него

— пшик.

Фома сжался в комок и попытался стать частью стены, но я спокойно шагнула вперед, держа в руке пузатую глиняную бутылку с рубиновым зельем.

— Завод больше не арестован, господа военные., — я поставила бутылку на стол с тяжелым стуком. — Конфискат уехал в штаб, а у меня — первая партия новой настойки. «Огненная клюковка». Согревает с первой стопки, лечит сопли, магию в крови не сушит. Обычное мутное пойло мой отец продавал по пол-серебряного за крынку. За эту прелесть я прошу целую серебряную лиру за бутылку.

Драконы переглянулись. Цена для простых вояк была кусачей, но мороз за окном завывал так, что синяя чешуя на их шеях мелко вибрировала.

— Ну давай свою клюкву, девка, — усатый швырнул на стол засаленную серебряную монету. — Если наврала — завтра вернусь и куб твой медный на металлолом расколочу.

Он зубами выдернул деревянную пробку, сплюнул её под ноги и сделал три мощных, жадных глотка прямо из горлышка.

Его товарищи замерли, вылупившись на командира. Секунды две усатый стоял неподвижно, выпучив глаза. Потом шумно, со свистом выдохнул, и изо рта у него повалил густой, горячий пар. Чешуя на лице порозовела, наливаясь здоровой кровью. Он рванул воротник шинели, с треском оторвав пуговицу, и блаженно хрустнул шеей.

— Мать моя чешуйчатая... — пробасил он, глядя на глиняное горлышко как на священный дар. — Парни, это не бухло. Это чистое жидкое пламя! Внутри горит, как печка в казарме. Ноги... я пальцы на ногах заново чую!

Двое других драконов, не говоря ни слова, слаженно хлопнули себя по карманам. На дубовый стол с сочным звоном посыпались серебряные монеты.

— Нам три бутылки!

— Нет, четыре! Давай вообще всё, что успела нацедить!

## Глава 5. По закону дикого рынка

Шесть серебряных лир от проданного патрулю спирта приятно оттягивали карман фартука, хлопая по бедру при каждом шаге. Солдаты убрались, утащив бутылки под куртками. В цеху остался только Фома, который до сих пор стоял у дубового верстака и тупо, со страхом перебирал пальцами монеты. Будто ждал, что они сейчас превратятся в сухие листья. Прежний хозяин, Элизин отец, за пару месяцев не видел таких денег. Тот вообще спивался медленно и бесславно после гибели друга и краха дела всей жизни, судя по заросшим грязью углам.

У меня от ручной выжимки ягоды нещадно ломило поясницу. Сердце всё еще испуганно догоняло ушедший патруль, а под ногти намертво въелся багровый сок «крови тундры». Я швырнула последнюю горсть жмыха в бадью, привалилась поясницей к теплему боку куба и шумно выдохнула, пытаюсь унять мелкую дрожь в пальцах. Кожа на ладонях горела от едкого сока огневика.

— Ох, хозяйка, — Фома сгреб серебро в кулак, прижав его к груди. — Боком они нам выйдут. Как до старосты Хаггарда слух дойдет... В порошок сотрет.

Я схватила с крюка жесткое полотенце из дерюги и принялась с ожесточением тереть ладони, чтобы скрыть, как они ходят ходуном. Страх Фомы липкой волной передался и мне,

но внутри тут же вскипело упрямое раздражение.

— У старосты проблемы с малым бизнесом? — мой голос дрогнул, и я поспешно кашлянула, придавая ему жесткости. — Ему не нужны рабочие места в его же посаде?

Фома дернулся, зыркнув на щели в бревенчатой стене. У меня у самой от этого взгляда поползли мурашки по спине. Подземелье казалось ловушкой.

— Драконам в замке дела нет до нас, хозяйка. У них граница, патрули и налоги. А на земле Хаггард — единственный закон. У него единственная лавка с крупой, у него кабак «Замерзший кабан», и этот ваш отцовский завод он за долги прибрать к рукам хочет. Хаггард в кабаке привык торговать тем, что из нашего прежнего брака получалось — кислой сивушной отравой. Дрянь редкая, от нее слепнут через одного, но выбора — то у мужиков не было. Стоило копейки, они пили и в кабалу к нему лезли. Если армейские увидят, какой чистый спирт мы теперь гнать можем, они пойдут напрямую к нам. Хаггард всю наживу потеряет, а он мануфактуру из лап не выпустит. Живьем нас прикопает. У него и судья местный в кулаке, и парни с тракта, что за лишнюю кружку горло перережут.

Я бросила мокрую тряпку на стол. Спесь земного инженера выбивается простым расчетом себестоимости.

— Настоящий технолог не боится местечковой монополии, Фома. Потребитель всегда выбирает качество, если у него есть лишний грош. Пусть попробует зайти на мою тер-

риторию.

Договорить я не успела. Будто накликала.

Дубовая дверь, которую только что уныло пытался приладить на изувеченные петли., с треском ударилась о каменную стену. Раздался неприятный хруст дерева. Вместе с полосой морозного пара в цех ввалился густой, душный запах чесночной колбасы, дешевой махорки и скисшего пивного сула.

На пороге стоял Хаггард. Плотный, заплывший жиром мужик лет пятидесяти в засаленной лисьей шубе нараспашку. Под мехом виднелся поношенный бархатный жилет, натянутый на круглое брюхо так, что пуговицы едва держались. Его красное, обветренное лицо лоснилось от пота. За его спиной на крыльце топтались двое местных парней — угрюмые, нечесанные вышибалы из его кабака, державшие на плечах оструганные дубовые дубины. Самый примитивный силовой ресурс для запугивания должников.

— Живая, значит, — Хаггард прошел внутрь, не снимая меховой шапки.

Он брезгливо оглядел отмытые до блеска медные шлемы кубов, задержал взгляд на манометре и сплюнул вязкую слюну прямо на гранитную плиту у моих ног. Фома сзади мелко, затравленно завыл.

— А мне в лавке треплют, будто покойника Алуа дочка с ума сошла, — староста остановился в двух шагах, засунув толстые пальцы за пояс жилета. — Завод кочегарит, дым ва-

лит. Патрульных Блейка тут прикармливаешь каким-то своим варевом, серебро из их карманов вытряхиваешь. Ты, девка, берега попутала? Налог за этот квартал где? Земля под этой развалюхой — общинная. А община — это я.

Я сделала короткий шаг вперед, убирая Фому со линии его обзора. Кожа на ладонях всё еще горела от сока огневица, подливая масла в мое чисто производственное раздражение. Петли на воротах придется перевешивать. Будущий армейский контракт Блейка не ждет, пока местный царек нагнетится своей властью.

— Производство запущено в тестовом режиме, староста Хаггард, — мой голос прозвучал сухо, без единой вибрации. — Солдаты Блейка купили истый спирт высшей пробы. Если у вас претензии по налогам — присылайте письменное уведомление с расчетом пени. И не надо плевать на пол в моем цеху. Здесь пищевое производство, а не ваш кабак.

Хаггард на секунду замер. Его маленькие, заплывшие жиром глазки удивленно моргнули. Прежняя хозяйка этого тела при его виде обычно бледнела и начинала судорожно икать, а тут перед ним стояла девица в грязном кожаном фартуке и разговаривала как ревизор из министерства.

Он медленно вытащил руку из-за пояса. От его тулупа несло сыростью и старым перегаром.

— Предприятия? — Хаггард коротко, сипло хохотнул. — Слыхали, парни? Девка куб отмыла и возомнила себя купчихой первой гильдии. Слушай сюда, пигалица. Твой папа-

ша подох, оставив мне столько долгов, что этой развалюхи не хватит покрыть и треть. Завод должен был отойти мне за бесценок еще в прошлый четверг. И перешел бы, если бы синие ящеры из замка не влезли со своими указами.

Он шагнул вплотную. От его шубы перло сырым пёсым мехом и чесночным перегаром. Староста ткнул толстым, с грязным ногтем пальцем в сторону начищенного медного ку-ба.

— Мне плевать, о чем ты там шепталась с патрульными Блейка. Драконы сегодня здесь, а завтра снимутся в рейд на Бездновых тварей. А жить ты будешь на моей земле. Расклад простой: либо ты до утра собираешь шмотки и валишь на все четыре стороны, либо твой красивый медный аламбик ночью взлетит на воздух. Вместе с тобой и этим старым хрычом. Парни, объясните доходчиво.

Один из вышибал, ухмыляясь, шагнул к верстаку. Тяжелая дубовая дубина с хрустом опустилась на плоскую крышку ящика для бутылок. Сухая сосновая доска лопнула, разлетаясь щепками. Фома в углу вжал голову в плечи так, что хрустнули шейные позвонки.

Хаггард довольно оскалился, ожидая привычных слез или уговоров.

Он просто не понимал, с кем разговаривает. В моей прошлой жизни на спиртзаводе у ворот крутились персонажи посерьезнее этих кабацких вышибал со струганными палками. Угроза порчи оборудования — это понятный язык про-

изводственных рисков. И отвечать на него нужно встречным ущербом.

Я медленно перевела взгляд с расколотого ящика на заплывшие глазки старосты. Пальцы правой руки, лежавшие на медном патрубке, едва заметно покалывало. Мой слабый дар магии очищения не мог выдать боевое заклинание, но он идеально чувствовал летучие фракции и спиртовые пары на расстоянии трех метров. В кабаке Хаггарда, судя по запаху от его тулупа, разливали ту самую сивуху, которую староста забирал из отходов моего отца. Бочки там стояли открытыми, а вентиляция отсутствовала как класс. Значит, воздух в зале его заведения был буквально перенасыщен взрывоопасными спиртовыми парами»

— Взрыв куба, говорите? — тихо спросила я, глядя ему прямо в переносицу. — Какое интересное совпадение. А вы знаете, староста, каков процент содержания метила и сивушных эфиров в воздухе вашего «Замерзшего кабана»? Судя по вони от вашей шубы, вентиляция там отсутствует как класс.

Хаггард нахмурился, не понимая терминов, но его улыбка начала сползать.

— Ты чего несешь, дура?

— Я несу технику безопасности, — я сделала шаг вперед, заставляя его отступить на полсантиметра. — При такой плотности спиртовых испарений, как в вашем заведении, достаточно одной искры от печного припечка, чтобы весь ваш кабак вместе со складами превратился в грудку обгорелых

бревен. Мой дар очищения работает в обе стороны — я могу дистанционно встряхнуть воздух в ваших отстойниках. Будет очень жаль, если ваша кабацкая монополия взлетит на воздух прямо сегодня вечером. Чисто случайно. Из—за плохой вентиляции. Что скажете, староста? Проверим мою теорию на практике?

Хаггард на секунду замер, шумно втянул носом воздух, а затем зашелся сухим, хриплым кашляющим смехом.

— Угрожать мне взрывом вздумала, пигалица? — он вытер ладонью лоснящийся подбородок и махнул рукой в сторону кубов. — Ломай тут всё, парни. С медных чанов начните. Пусть дурь из башки вылетит.

Тот вышибала, что покрупнее — щербатый, с кривым, явно сломанным в кабацких драках носом — довольно оскалится. Он сделал широкий шаг к перегонному аппарату, перехватывая оструганную дубину двумя руками для замаха. Кирпичная печь под кубом стояла дорого, а ремонт потекшего медного шлема сорвал бы мне все планы.

Они думали, бытовая магия — это заклинания для поломок. Они не понимали, что очищение — это в первую очередь контроль концентрации веществ и управление фазовыми переходами. Настоящий разрушительный взрыв мне тут был не нужен — он разнесет мой собственный цех. Но выдать локальную вспышку под потолком, чтобы выжечь кислород и напугать кабацких бандюков, я вполне могла.

— Фома, ложись! — рявкнула я.

Старик, вымуштрованный годами страха перед старостью, рухнул на грязные плиты быстрее, чем его мозг успел обработать команду.

Я резко вытянула правую руку вперед, направляя дар очищения прямо в узкое горлышко толстостенной стеклянной сулеи, стоявшей у подножия куба. Туда я всего полчасика назад отсекла «головы» — концентрированный первак, состоящий из легких эфиров и чистого ядовитого метанола. Запредельный градус, мгновенное испарение. По канону магия должна была осадить взвесь, но я перевернула вектор, мгновенно создав внутри бутылки избыточное давление.

Раздался глухой, свистящий хлопок.

Жидкость фонтаном вышибло наружу, и под давлением моего дара она мгновенно превратилась в тончайший аэрозоль. Цех мануфактуры за секунду заволокло плотным, ровным белесым туманом. Воздух стал тяжелым, режущим, с характерным химическим запахом растворителя.

— Кха!.. Что за дрянь?! — кривоносый вышибала закашлялся, выронив дубину и инстинктивно зажимая рот ладонью.

Его подельник замер, ошалело моргая. Спиртовая взвесь мгновенно разъедала слизистую глаз, заставляя бандитов слепнуть и хвататься за лица.

Я не собиралась читать им лекции. Вместо этого я сделала два быстрых шага назад, к открытому зёву печи, и голыми пальцами выхватила из углей длинную, ярко тлеющую

сосновую лучину. Концентрация легких газов под давлением моего дара пока упрямо держалась вверх, под самым потолком, и красный конвекционный огонек на конце лучины, которую я держала на уровне груди, пока лишь предупреждающе подрагивал. Но стоило мне поднять руку чуть выше — и объемная вспышка станет неизбежной.

— Назад! Назад, уроды! — истошно взвизгнул Хаггард.

До его жирного ума наконец дошло: девка с открытым огнем посреди спиртового облака — это гарантированная путевка на тот свет для всех присутствующих. Староста, смешно перебирая короткими ногами в лисьей шубе, задом показился к выходу, сшибая собственного вышибалу.

Но тратить куб и портить медь я не планировала. Физика газов — штука точная: легкие эфиры легче воздуха, они мгновенно поднялись вверх, под самый потолок цеха. Там сейчас была идеальная концентрация для объемного воспламенения без разрушения кирпичных стен.

Я с силой швырнула горящую лучину строго вверх — прямо под стропила кровли.

*ФУУУХ!*

Воздух под потолком мгновенно вспыхнул ослепительным, яростным сине-фиолетовым пламенем. Это не был разрушительный взрыв, это был мгновенный объемный выгорающий хлопок спиртовых паров. Температура в комнате на долю секунды подскочила так, что у меня затрещали волосы, а волна горячего воздуха ударила наотмашь.

Эффект получился оглушительным. Огненная волна прокатилась над головами бандитов, начисто спалив меховую опушку на шапке старосты и мгновенно превратив шерстяные кафтаны вышибал в дымящуюся ветошь. Их дубины со стуком покатались по полу.

— А-а-а! Горим! Мамочки! — дурными голосами заорали парни, падая на пол и катаясь по граниту, пытаясь сбить воображаемое пламя, хотя спирт выгорел за одну секунду, не оставив и следа.

Хаггард сидел на заду, раскинув ноги. Его роскошная лисья шуба теперь пахла паленой собачатиной, а из-под обгоревшей шапки смешно торчали черные, закопченные клочья волос. Он хватал ртом воздух, глядя на меня с первобытным, диким ужасом.

Я подошла к нему и опустила сверху вниз бледную, сияющую сиреневым светом ладонь. Ошметки гари и копоти с его лица тут же свернулись в аккуратный грязный шарик и упали ему прямо за шиворот.

— Бытовая магия, староста, — мило улыбнулась я, глядя на него сверху вниз. — Убирает любую грязь. Включая незваных гостей. Если я еще раз увижу вас или ваших людей ближе, чем в версте от моей винокурни... Я приду к вам. И проверю вентиляцию в вашем кабаке. Выметайтесь.

Вышибалы, подхватив под руки своего пузатого предводителя, трусливым галопом неслись по обледенелой дороге в сторону посада. Лисья шуба Хаггарда волочилась по грязи,

собирая весь сор. Их силовой авторитет был размазан по северному насту всего одним щелчком пальцев.

Я перевела дыхание, чувствуя, как адреналиновый прилив медленно спадает. Фома на полу наконец перестал сжиматься в комок, осторожно приподнял голову и посмотрел на меня снизу вверх круглыми от ужаса и благоговения глазами.

— Единый под крышкой, хозяйка... — сипло проговорил он, вытирая рукавом взмокший лоб и поднимаясь на трясущиеся колени. — Ну и люты же вы, Элиза Алуаевна. Вы ж их... как тараканов из печи выжили. Они ж теперь к нам и близко не сунутся.

— Сунутся, Фома, — я повернулась обратно к перегонному кубу и подняла с пола брошенную дубину. Металл алабика был цел, манометр показывал стабильную рабочую норму. — Хаггард просто так монополию не отдаст. До темноты нам нужно выжать максимум «Клюковки» и намертво запереть внешние заслонки. Нам некогда праздновать, у нас план производства.

## Глава 5. Ночной досмотр

К полуночи метель за окном разыгралась не на шутку. Ветер швырял пригоршни колючего снега в стекла, а старые бревна винокурни жалобно поскрипывали под его напором. Фому я силой отправила спать в каморку за печью — старик за день натерпелся столько страха и так набегался с ведрами, что уснул прямо в кафтане, едва его голова коснулась соломенного тюфяка.

Я же осталась у перегонного куба, сон никак не шел. Привычка сдавать объекты в срок требовала действия. Раз уж генерал Блейк дал мне три месяца, производство должно было работать как часы.

В зале стоял полумрак. Единственным источником света было багровое пламя, сочившееся сквозь щели прикрытой топки. В огромном чане созревала новая, большая партия «Огненной клюковки».

Я стояла у куба, закатав рукава платья по локоть. Мои пальцы слегка светились сиреневым: я контролировала давление пара в медных трубах, чутко прислушиваясь к мерному бульканью сусла внутри. Лицо горело от жара топки, волосы растрепались и прилипли ко лбу, а на щеке наверняка красовалась полоса сажи. Конвейер романтики, как сказали бы на Земле, во всей красе.

Вдруг за спиной раздался едва слышный щелчок.

Я резко обернулась, нащупывая на столе тяжелую железную кочергу. После вечернего визита старосты Хаггарда я была готова ко всему. Но у дверей не было бандитов.

Из тени размытым, бесшумным силуэтом соткалась высокая мужская фигура. На нем был длинный дорожный плащ, подбитый серым мехом, покрытый слоем свежего снега. Мужчина легким движением скинул капюшон, и в полумраке зала вспыхнули два ледяных вертикальных зрачка.

Генерал Валлиан Блейк. Без свиты.

— Не спите, леди Элиза? — его голос прозвучал удивительно тихо, но рокот в нем заставил медь перегонного куба едва заметно отозваться.

— Работаю, генерал Блейк, — я медленно опустила кочергу, но из рук не выпустила. — Не ожидала увидеть наместника пограничных земель в качестве ночного вора. Зачем пробираться через окно?

— Через заднюю дверь, — поленился спорить дракон. Он прошел вперед, ступая совершенно бесшумно, несмотря на массивные сапоги. Снег на его плечах быстро подтаивал и стекал каплями воды в жарком воздухе у работающей печи. — И я не вор. Я проверяющий. Имперская инспекция, если вам так угодно. Мне стало любопытно, не взлетит ли этот цех на воздух до утра.

Блейк остановился в шаге от меня. Он был настолько огромным, что полностью заслонил собой свет от топки. В полумраке его морозно-синяя чешуя на шее тускло поблес-

кивала, словно дракон внутри него внимательно изучал меня.

— Окольные птички донесли, что вечером у вас тут был пожар, — генерал прищурился. — Староста Хаггард бегал по деревне в обгорелом виде и кричал, что в заброшенной винокурне поселилась огненная ведьма, которая сжигает людей заживо. Вы ничего не хотите мне рассказать?

— Староста нарушил технику безопасности, — ровно ответила я, глядя прямо в его потемневшие, бездонные глаза. — В невымытых помещениях скапливаются пары спирта. Я лишь указала ему на это. С помощью лучины.

Блейк замер на секунду, а затем его грудь содрогнулась от беззвучного смеха.

— Поведение паров, верно? Вы удивительная женщина, Элиза. Обычная человеческая девица из разорившегося рода сейчас бы умоляла меня о защите от Хаггарда. А вы пугаете его взрывами.

Он внезапно протянул руку — огромную, обжигающе прохладную, обтянутую черной кожей перчатки — и перехватил мое запястье. Его пальцы сомкнулись на моей руке мягко, но железно. Сквозь ткань рукава по коже мгновенно прокатился леденящий, отрезвляющий импульс, от которого мое сердце испуганно и сладко пропустило удар. Сиреневая искра бытовой магии, которую я всё еще удерживала, испуганно метнулась в сторону, соприкоснувшись со морозной драконьей силой.

По залу прошел легкий треск статического электричества.

— Вы играете с огнем, — тихо, почти интимно произнес Валлиан Блейк, наклоняясь ближе. Его дыхание коснулось моих волос. — В вашей «воде» слишком много пламени. Мои офицеры пьют эту рубиновую настойку в казармах и и не могут обуздать собственную магию. Они хотят тренироваться посреди ночи в метель. Что вы туда подмешали?

— Кровь тундры и огневик, генерал, — я не попыталась вырвать руку, сохраняя ледяное спокойствие мастера со стажем, хотя пульс предательски застучал в ушах. — И немного законов очищения. Чистый алкоголь высвобождает скрытую энергию инейника. Вашим людям не нужны стимуляторы, им просто нужно было согреться без сивушного яда. Отпустите мою руку, иначе сусло в кубе перегреется, и тогда физика газов покажет вам свою правоту на практике.

Блейк долгий миг смотрел на мои губы, затем снова в глаза. В полумраке винокурни, под стук метели, между нами искрило так, что, казалось, воздух вокруг был готов вспыхнуть синим пламенем.

Он неохотно разжал пальцы.

— Вы дерзкая, — пророкотал он, отступая на шаг обратно в тень. — Но вы держите слово. Напиток, который я забрал... действительно чист. Мое ядро не испытывало такой легкости со времен учебы в столице.

Генерал накинул капюшон плаща, снова превращаясь в монолитную тень.

— На рассвете у ваших ворот будет обоз. Тридцать повозок с арестованным контрабандным инейником. Староста Хаггард больше не побеспокоит вас — завтра его ждет очень долгая проверка налоговой стражи гарнизона. Переработайте это зерно, Элиза. Сделайте так, чтобы к концу недели у меня было триста бочек этой вашей... клюковки. А империя заплатит по честной цене.

— Будет сделано, генерал Блейк, — ответила я его же тоном.

— Посмотрим, — донесся его голос уже от самых дверей. — Не сгорите тут до утра, технолог. Вы мне нужны живой.

Створка двери тихо скрипнула и закрылась. Я осталась одна в полумраке, а сиреневая искра на моих пальцах всё еще испуганно подрагивала, запомнив тяжелую прохладу синего дракона.

## Глава 7. Контрабандный обоз

Рассвет на границе ледяных пустошей не принес тепла. Небо над винокурней окрасилось в бледный, сизый цвет, а метель улеглась, оставив после себя огромные сугробы, завалившие крыльцо по самую крышу.

Я стояла у разбитого окна на втором этаже, кутаясь в накиннутый на плечи старый кафтан Фомы, и наблюдала, как к воротам мануфактуры стягивается гигантская змея армейского обоза. Тридцать тяжелых деревянных повозок, запряженных косматыми северными лошадьми. Снег скрипел под широкими полозьями, а кони шумно выдыхали густой белый пар. Колонну сопровождал десяток суровых драконов-гвардейцев в черных шинелях. Возглавлял шествие тот самый усатый адъютант — сержант Кренц, вчерашний покупатель нашей настойки.

— Пресветлые предки... — Фома высунулся рядом со мной, испуганно стуча зубами. — Госпожа Элиза, они же нам всю ограду повалят! Куда ж столько? Тридцать повозок! Да у нас амбар под крышу забьет! Нам это зерно за полгода вдвоем не перетереть, даже если спать перестанем!

— Перетрем, Фома. Ручной труд оставим для Хаггарда, — я решительно завязала шнуры на рукавах платья. — У нас есть бытовая магия. Разгружаемся.

Когда мы спустились во двор, усатый адъютант уже спрыг-

нул с седла. Его лицо, вчера еще синее от холода, сегодня выглядело бодрым и румяным. Он отвесил мне короткий, но вполне уважительный поклон.

— Леди Элиза! Выполняю приказ генерала Валлиана Блейка. Весь конфискованный инейник с южного тракта доставлен в ваше распоряжение. Куда сгружать? Парни замерзли как собаки, но после вчерашнего готовы работать бесплатно, если выделите по маленькой чарке вашей рубиновой амброзии.

— По чарке будет, но после работы, — улыбнулась я. — Сгружайте мешки прямо в главный зал, поближе к затирочным чанам. Парни, шевелись! Кто филонит — тому настойка достанется разбавленной!

Драконы дружно загоготали и сноровисто принялись за работу. Сила у этих ребят была нечеловеческая: один гвардеец легко подхватывал по два тяжелых стокилограммовых мешка и нес их в цех, будто они были набиты пухом.

Пока шла разгрузка, я вернулась к перегонному кубу. Фома был прав: переработать такой объем вручную — утопия. Мне нужен был полуавтоматический цех.

Я подошла к тяжелым каменным жерновам, которые раньше крутили вручную, чтобы перетирать промерзшее синее зерно. Рядом с ними проходила медная труба отвода горячего пара от малого колодезного котла—бойлера, который Фома упрямо поддерживал горячим с самой ночи для обогрева цеха. В моем мире любой инженер знает, как использовать

энергию расширения пара.

Я положила ладони на холодный камень жерновов и закрыла глаза. Сиреневая искра бытовой магии скользнула внутрь старого механизма. Я мысленно объединила систему очистки чанов с силой парового давления. Приказ: завязать контур. Перенаправить остаточное давление пара на поршень ручного привода.

Медный клапан на трубе бойлера с шипением повернулся. Избыток горячего пара с грохотом устремился в закрытый распределительный кожух. Каменные жернова вздрогнули, издали тяжелый, утробный скрежет и... медленно, но уверенно завертелись сами по себе, набирая скорость. Магия удерживала зазоры и не давала механизму перегреться от трения, заменяя собой машинное масло.

— Милосердный Хранитель... — Фома, занесший первый мешок, застыл на пороге, едва не выронив его. — Оно само... Крутится! Сама мануфактура ожила!

— Это называется модернизация производства, Фома, — я вытерла пот со лба. — Засыпай зерно в бункер. Машина сама сотрет его в муку, а пар из куба тут же подогреет воду для затирания сусла. Нам останется только следить за фильтрацией.

К полудню главный зал винокурни превратился в слаженно работающий завод. Жернова ровно гудели, куб пыхтел, а в воздухе стоял плотный, сладковатый аромат свежего солода. Драконы-гвардейцы, закончившие разгрузку, сидели прямо

на пустых ящиках, блаженно попивая заслуженную «Клюковку» из глиняных кружек и с уважением поглядывая на меня.

Я решила лично проверить последние мешки, оставшиеся в тридцатой, замыкающей повозке. Обозный гвардеец как раз сбрасывал их на снег. Мой взгляд зацепился за крайний тюк — в отличие от остальных армейских мешков, проштампованных полковой печатью, этот был завязан двойным узлом из грубой пеньки с вплетенной красной нитью. Тайная маркировка для своих.

— Стой, — я перехватила руку солдата. — Вот этот развяжи.

Гвардеец недовольно хмыкнул, но узел перерезал. Ткань разошлась, и на белую корку наста высыпалось синее зерно инейника. Но вместе с ним на снег вывалилось то, чего в стандартной армейской поставке быть точно не должно.

Я нагнулась и подняла плоский сверток, туго зашитый в просмоленную непромокаемую кожу. Он был спрятан в самой гуще зерна. Это был тот самый тайный груз Хаггарда, который Блейк арестовал на тракте. Похоже, староста использовал мешки с зерном как тайник для чего—то куда более ценного, чем обычный контрабандный инейник. На ощупь под кожей прощупывался плотный пергамент.

Я аккуратно надрезала чехол ножом и вытянула пожелтевший лист. Это был детальный, выполненный тушью план нашей мануфактуры. Но на нем, помимо наземного цеха, бы-

ли нарисованы три огромных подземных уровня, уходящих глубоко в скальную породу под заводом. Сеть коридоров, заброшенные вентиляционные шахты, огромные хранилища и круглая комната в самом низу, помеченная странным значком — бледной снежинкой с драконьим хвостом.

Вход в эти подземелья, судя по схеме, находился прямо в нашем главном зале — под массивным фундаментом перегонного куба.

Теперь становилось понятно, почему Хаггард вчера так яростно требовал, чтобы я убиралась, и почему грозился взорвать завод. Он сам еще не видел эту карту, но точно знал, что она существует и спрятана где—то здесь. Кто—то из его покровителей в Столице переправил секретный пергамент в мешке с контрабандой, но Блейк арестовал обоз раньше, чем староста успел запустить лапу в тайник.

— Миледи Элиза, что там? — подошел усатый адъютант, вытирая усы после настойки.

Я быстро свернула пергамент и спрятала его в широкий карман фартука, пока дракон ничего не заметил. Для военных эти подземелья на границе — стратегический объект, они сразу всё оцепят. А для меня это — идеальные будущие погреба для выдержки элитного алкоголя.

— Старые накладные моего отца, сержант, — спокойно улыбнулась я. — Проверяю, всё ли зерно на месте. Возвращайтесь к парням, сейчас Фома вынесет вам еще по чарке «Клюковки».

## Глава 7. Тайны старого фундамента

Тяжелые армейские повозки уехали, оставив после себя глубокие, грязные колеи в сугробах и стойкий запах мокрой конской шерсти. Я заперла входную дверь на засов, который жалобно звякнул, удерживаясь на честном слове, и повернулась к Фоме.

Старик сидел на пустом ящике у стены, баюкая в руках кружку с остатками «Клюковки». На его лбу всё еще блестели капли холодного пота.

— Ну и денек, миледи Элиза... Ну и дела, — Фома покачал головой, и его седая борода уныло качнулась. — Драконы у нас зерно разгружают, генерал Блейк по ночам в окна лазит, а вы... вы старосту Хаггарда живьем чуть не сожгли! Да меня до сих пор крупная дрожь бьет. Долг-то мы, почитай, отсрочили, да только Хаггард такое не простит. Он же злой, как подраненный вепрь.

— Пускай злится, Фома. — я вытащила из широкого кармана фартука плотный, пахнувший смолой сверток, который нашла на дне последнего мешка. — Нам сейчас нужно думать о расширении производства. Смотри, что я нашла в инейнике.

Я аккуратно развернула пожелтевший пергамент на дубо-

вом столе, придавив края пустой бутылкой. Старик прищурился, вглядываясь в ровные линии, выведенные черной тушью, и вдруг резко выдохнул, едва не выронив кружку.

— Это же... это же чертеж мануфактуры! — его голос сорвался на писк. — Покойный батюшка ваш, лорд Алуа, этот план годами искал! Все старые бумаги управы перерыл, да так и умер в неведении. Откуда он в контрабандном зерне?

— Похоже, староста получил этот ключ к подвалам от своих сообщников, но Блейк перехватил обоз раньше, чем Хаггард успел развернуть сверток, — я провела пальцем по пожелтевшему листу. — Смотри сюда. Наземный цех — это лишь вершина айсберга. Под нами три огромных подземных уровня. Сухие казематы, вентиляция, склады. Понимаешь, что это значит?

Фома испуганно захлопал глазами.

— Казематы? Проклятые места, миледи! Там же темнота, крысы да призраки прошлых веков! Зачем они нам?

— Это идеальные хранилища, Фома, — я едва сдерживала профессиональный азарт технолога. — В подвалах круглый год держится постоянная прохладная температура. Никаких сквозняков, никакой сырости. Наша «Клюковка» и будущие настойки должны созреть в покое и темноте, а не стоять на свету в дырявом цеху. По плану вход находится прямо здесь. Под фундаментом перегонного куба.

Я подошла к массивному каменному постаменту, на котором высился начищенный до блеска медный агрегат. Тя-

желые гранитные плиты казались монолитными, вековыми. Они вросли в землю так прочно, что сдвинуть их не смог бы и десяток лошадей.

— Миледи, побойтесь Единого! — Фома засеменял за мной, заламывая сухие руки. — Куб же неподъемный! Огненная стихия обидится, если мы начнем камни воротить!

— Магия и инженерия не обижаются на здравый смысл, — я опустила на колени прямо на холодный пол.

Комок бытовой магии в моей груди послушно отозвался, по телу разлилось привычное сиреневое тепло. Я прижала ладони к стыку между гранитными плитами и закрыла глаза. *Приказ: очистить скрытые пазы. Удалить налет, ржавчину и запекившуюся грязь.*

Сиреневая волна скользнула под камень. С тихим, сухим хрустом из щелей между плитами начала вываливаться спрессованная черная пыль. Мой дар вымывал грязь из тончайших зазоров, обнажая то, чего человеческий глаз не видел много лет — скрытые направляющие рельсы из темного, ржавеющего железа.

В самой глубине постамента что-то глухо щелкнуло. Маленькая потайная панель сбоку плиты отошла в сторону, открывая массивный медный рычаг, покрытый имперской гравировкой

— Нашла, — выдохнула я, поднимаясь и вытирая сажу со щеки. — Помогай, Фома.

Я ухватила за рычаг, старик с кряхтением вцепился ря-

дом. Мы с силой потянули его на себя.

Раздался тяжелый, скрежещущий гул, от которого задрожали бока медного куба. Каменный постамент вместе со всем многотонным перегонным аппаратом медленно, плавно, словно по маслу, поехал в сторону по скрытым рельсам. Ни одна капля сусла не пролилась — инженерный гений создателей просчитал баланс идеально.

Каменная плита сдвинулась, открывая черный, прямоугольный зев. Вниз уходила крутая винтовая лестница, высеченная прямо в скале.

Фома испуганно отшатнулся, прикрыв рот ладонью. Он ожидал запаха тлена, гнили или могильного холода. Но вместо этого из темноты подземелья нам в лица ударил поток абсолютно сухого, чистого воздуха. Он был прохладным, бодрящим и... пах благородным, старым, выдержанным дубом и легким шлейфом выдержанного виноградного бренди. Этот подвал дышал как идеальный, дорогой винный погреб.

— Зажги фонарь, Фома. Мы спускаемся, — скомандовала я, внимательно вглядываясь вглубь черного проема

— Миледи Элиза, может, не надо? — взмолился старик, но покорно потянулся к полке, судорожно чиркая огнивом над фитилем тяжелого переносного фонаря. — Вдруг там чудища?

— Единственное чудище, которое нам грозит — это невыплаченный долг, — отрезала я и, как только стекло фонаря озарилось ровным желтым светом, первая шагнула на камен-

ные ступени.

Свет фонаря выхватывал из темноты безупречную кладку стен. Ни капли сырости, ни одного намека на плесень. Спустившись примерно на двадцать ступеней вниз, мы оказались в гигантской, гулкой галерее. По обе стороны тянулись массивные каменные стеллажи, пустые и чистые, словно их подготовили к приему товара только вчера. Здесь могли поместиться тысячи бочек.

— Чудо—то какое... — прошептал Фома, трусливо озираясь, но уже прикидывая в уме масштабы. — Сюда ж весь годовой запас империи спрятать можно.

Мы прошли вглубь первого уровня, наши шаги гулко отдавались под каменными сводами. Но стоило нам дойти до дальнего конца галереи, как желтый луч масляного фонаря уперся в тупик.

Перед нами выросла массивная железная дверь тяжело-го армейского литья, намертво перегораживающая проход на второй подземный уровень. И она была запечатана. Прямо по центру потемневшего металла, поперек замочной скважины, мерцала холодным, неподвижным неоновым—синим светом древняя магическая печать. Тот самый рисунок, который я видела на карте — бледная снежинка с драконьим хвостом.

Воздух возле двери был настолько леденящим, что у меня мгновенно перехватило дыхание, а изо рта пошел густой пар. Магия, сковавшая замок, явно спала здесь не один десяток

лет. Тонкая корка инея покрывала стальные заклепки, а от самого контура веяло такой глухой, морозной силой драконов, что сиреневая искра на моих пальцах испуганно погасла.

— Миледи... это же родовой знак Блейков, — Фома в ужасе попятился, едва не выронив фонарь. — Единый под Крышкой, нам нельзя здесь быть. Если генерал узнает...

В этот момент сверху, из пустого зала нашей винокурни, раздался пронзительный, резкий скрежет. Кто—то снаружи с силой рванул дверь цеха, и хлипкий, изувеченный утренним визитом засов со звоном вылетел из пазов. Вслед за этим послышался тяжелый топот грязных сапог и приглушенный, вороватый шепот.

Генерал Блейк сдержал слово: его гарнизонный патруль сегодня с рассвета крепко зажал старосту Хаггарда, перетряхивая всю его лавку. Но ушлый вор все—таки успел тайно нанять местных налетчиков. Спецы по грабёжам ворвались на мануфактуру с одной целью — вернуть те самые арестованные мешки с зерном и красной нитью, в которых была спрятана карта подвалов. А мы с Фомой оказались заперты в подземной ловушке, прямо перед ледяной печатью синего дракона.

## Глава 8. Тяга, законы термодинамики и подвальный капкан

Сверху донесся глухой, раскатистый грохот — это люди Хаггарда с корнем выдрали чугунный засов, и тяжелая входная дверь мануфактуры с размаху ударилась о каменную стену цеха. Послышался звон разбитого стекла и пьяный, наглый хохот. Вышибалы старосты вернулись, прихватив с собой факелы и, судя по характерному глухому плеску, бочонки со смолой. Бандиты решили действовать точно, уничтожая наши деревянные перекрытия.

— Ох, мамочки, пропали мы! Живьем спалят, как крыс в норе! — Фома заметался по каменной галерее, едва не туша собственный переносной масляный фонарь о пустые стеллажи.

— Тихо! — я жестко перехватила его за плечо, заставив замереть на месте. — Паникой ты огонь не потушишь. Думай головой, Фома. Куда ведут эти квадратные отдушины под потолком?

Я указала лучиной на массивные каменные короба вентиляции, уходящие глубоко в скальную породу фундамента. Из них по-прежнему тянуло морозным воздухом с улицы, но теперь в этой прохладе отчетливо, пугающе проступил новый,

едва уловимый след — душный, сухой запах паленого пепла Бездны, сочащийся из нижних запертых уровней. Любой инженер знает: старинные подземные казематы строились с учетом жестких правил циркуляции воздуха. Вентиляционные шахты должны пронизывать все этажи здания, создавая мощную естественную тягу.

— Так это... вентиляция, миледи, — заикаясь, пробормотал старик, крепче сжимая ручку фонаря. — Одна труба на крышу выходит, а вторая... вторая как раз в главный цех, прямо под жернова и затирочные чаны, чтобы сырости не было.

— Исходные данные на нашей стороне, — на моих губах появилась жесткая, уверенная усмешка. В голове мгновенно сложилась схема обратной тяги. — Люди Хаггарда пришли жечь перекрытия сверху. Они думают, что огонь пойдет вверх. Но если мы изменим направление воздушных потоков...

Сверху раздался грубый, раскатистый голос кривоногого вышибалы Сивого:

— Круши тут всё, парни! Лей смолу на бочки и деревянный настил! Староста сказал — камня на камне не оставлять. А девку с дедом найдете — свяжите и в угол киньте, пускай погреются!

Они были прямо над нами, в главном зале. Топот их подкованных сапог отзывался над головой глухими, тяжелыми ударами, от которых с потолка казематов сыпалась известко-

вая крошка.

Я подбежала к первой вентиляционной отдушине. Она была намертво закрыта тяжелой, проржавевшей заслонкой из старого чугуна.

— Фома, держи фонарь ближе к коробу! Мне нужен направленный прогрев.

Я плотно положила ладони на ледяной чугун. Внутреннее тепло послушно толкнуло в ладонях, распространяясь по металлу плотным сиреневым импульсом дара. Приказ: очистить заслонку, восстановить подвижность петель, заблокировать верхний клапан на крыше.

Ржавчина с тихим шуршанием осыпалась на пол. Чугунный диск внутри трубы провернулся с коротким, чистым металлическим щелчком. Тяга сверху вниз мгновенно усилилась — морозный воздух с улицы, минуя крышу, устремился напрямиком в подвал, а оттуда, через вторую шахту, должен был вырваться в главный цех.

Но мне нужен был не просто воздух. Мне нужен был вакуумный насос для летучих соединений.

Я повернулась к огромному чану с остатками «Огненной клюковки», который мы не успели перелить. Высокий градус, концентрированный чистый спирт, жгучий корень огневика — идеальное горючее топливо для обратной вспышки.

— Фома, хватай ведро! Черпай настойку и лей прямо в вентиляционный короб, на нижнюю заслонку! Живо!

Старик, уже понявший, что спорить со мной бесполезно,

проявил чудеса ловкости. Через полминуты дно вентиляционной шахты было залито крепчайшим, ароматным алкоголем.

Я опустила руку в жидкость, активируя магию. На этот раз — *поддержание и резкое повышение температуры*. Направленный тепловой импульс заставил спирт мгновенно закипеть, превращаясь в густой, невидимый, но удушающий пар, насыщенный жгучими эфирными маслами огневика и кислотой. Этот пар не мог уйти на крышу — верхний клапан был заблокирован моей магией. У него оставался только один путь — вверх, через вторую шахту, напрямую в главный зал, где бесчинствовали бандиты.

Физика и термодинамика сработали безупречно. Создался эффект доменной печи, только наоборот. Плотный, горячий спиртовой газ, смешанный со жгучими парами хрена и имбиря, под давлением ледяного воздуха с улицы устремился вверх по трубе и вырвался из напольных решеток главного цеха.

Через секунду над нашими головами раздался первый дикий, удушливый кашель.

— Кха-кха!.. Что за чертовщина?! Чем несёт?! — заорал кривоносый.

— Глаза!.. Мои глаза! Горят! — взвизгнул второй вышибала.

Концентрированные пары огневика и спирта сработали как средневековый слезоточивый газ. Бандиты, собиравшие-

ся поджечь здание, теперь не могли даже открыть глаза. Капли смолы, которые они успели пролить, вспыхнули от их же факелов, но из-за созданной мной обратной тяги весь дым и огонь не пошли вверх к крыше, а начали всасываться обратно в вентиляционные каналы, создавая в главном зале удушливую, непроглядную завесу.

— Спасайте глаза! Дышать нечем! — хрипели сверху. Слышно было, как бандиты в панике бросают факелы, натыкаются на стены, разбивают собственные бочонки со смолой и вслепую пытаются нащупать дорогу к выходу.

Один из них, судя по страшному грохоту, со всего размаху налетел на каменные жернова, которые я утром запустила, и с воплем покатился по полу.

— Бежим! Тут ведьма! Точно ведьма всё прокляла! — в ужасе орали вышибалы.

Тяжелый, панический топот ног устремился к выходу. Спустя полминуты наступила тишина, нарушаемая лишь далеким, затихающим кашлем на деревенском тракте. Бандиты бежали, даже не устроив пожара — их собственная смола просто тихо догорала на гранитном полу, не способная разгореться из-за нехватки кислорода, который уходил вниз.

Я облегченно выдохнула и убрала руки от вентиляционного короба. Сиреневое свечение на пальцах медленно угасло.

— Ну вот и всё, Фома. Физика газов снова победила грубую силу, — я повернулась к старику, собираясь сказать, что

пора подниматься и тушить остатки смолы.

Но договорить я не успела.

За моей спиной раздался чистый, хрустальный звон. Магическая печать на железной двери внезапно вспыхнула ослепительным синим светом. Рисунок снежинки с драконьим хвостом завертелся, словно живой, а затем... печать с тихим шипением растаяла, и тяжелая дверь сама собой медленно, со скрипом поползла внутрь, открывая проход на второй подземный уровень.

Из открывшегося мрака на нас повеяло таким диким, древним холодом, что факел в руке Фомы мгновенно погас, оставив нас в полной темноте. И в этой темноте, глубоко под землей, раздался тяжелый, медленный вздох огромного существа.

## Глава 9. Глаза во тьме

Фитиль в масляном фонаре Фомы с легким шипением погас, оставив после себя лишь едкую струйку серого дыма. В ту же секунду нас поглотила монолитная темнота второго подземного уровня. Темнота, которая, казалось, имела физический вес.

Из глубины открывшейся галереи снова донесся рокошущий вздох. От этого звука гранитные плиты под нашими ногами едва заметно вздрогнули. Старый винокур за моей спиной глухо заскулил, выпуская из рук бесполезный холодный фонарь, и с тихим шорохом сполз по стене на пол.

— Всё, отпели наши соловушки, миледи Элиза... — прошептал он во тьму. — Драконье проклятие. Смерть наша пришла, точно говорю.

— Отставить панику, Фома, — я заставила собственный голос звучать максимально уверенно, хотя пальцы на руках мгновенно заledenели. — Если бы это существо хотело нас съесть, оно бы сделало это еще в тот момент, когда открылась дверь. Нам нужен свет.

Я сосредоточилась на тепле в груди. Внутреннее тепло послушно толкнуло в пальцы короткой сиреневой искрой дара. Я подняла руку и щелкнула пальцами над медным корпусом фонаря.

Направленный тепловой импульс мгновенно разогрел

остывшее масло и фитиль, и над нами снова ровно, ярко вспыхнул чистый желтый огонек. Он не коптил, не трещал и давал мягкий свет, уверенно выхватывающий из мрака контуры подземелья.

Я подняла фонарь и высоко подняла его над головой, направляя луч строго внутрь открывшегося темного коридора. То, что выхватил желтый свет из векового мрака, заставило меня на секунду позабыть, как дышать.

По центру огромного круглого зала, занимая собой все пространство до каменных сводов, высилась колоссальная, неподвижная серая глыба. С первого взгляда она казалась скальной породой, но стоило лучу фонаря скользнуть ниже, как я разглядела мощные чешуйчатые кольца, сложенные на спине массивные кожистые крылья и тяжелую, бронированную шипами морду, покоящуюся на передних лапах.

— Фома, — я с трудом сглотнула, чувствуя, как внутри всё замерло от благоговейного, ошалелого восторга. — Ты только посмотри на эту... аэродинамику. Какая безупречная пятитонная живая биоконструкция. Кто это вообще такой?

Старый винокур, на четвереньках вползший вслед за мной, испуганно пискнул и попытался забиться под ближайший ледяной выступ.

— Миледи Элиза, Единый под Крышкой, да это ж боевой левиафан! — заикаясь от ужаса, прошептал старик. — Родственник драконов, но облика человеческого лишенный. Верный боевой спутник имперских генералов, на заставах

скверну бьет. Настоящее морозное чудо! Только чудо это, кажись, помирает...

Я подошла ближе к помосту, и мое восхищение мгновенно сменилось жалостью. Это невероятное существо, созданное для полета и битвы, сейчас выглядело тусклым, обросшим толстой коркой инея и извести. Одно его крыло было неестественно вывернуто и безжизненно прижато к боку, а на сгибе тяжелой лапы чернела рваная рана, запечатанная прелой, сухой коркой серой коррозии.

Ящер тяжело дышал, из его ноздрей вырывались слабые хлопья пара, а его огромный золотистый глаз, подернутый затуманенной белесой пленкой, воззрился на меня с такой бесконечной, смертельной усталостью, что у меня сжалось сердце.

— Не бойся, мой хороший, — тихо произнесла я, аккуратно протягивая руку к его заиндевевшей морде. — Как же ты здесь оказался? Налетчиков сверху мы выкурили, теперь попробуем тебе помочь. На моей мануфактуре такое оборудование в утиль не списывают.

Ящер издал тихий, жалобный клекот, и его огромная голова бессильно упала обратно на обледенелый настил. Этот зверь умирал, и расчет времени шел на часы. Черно-синие ледяные иглы на глазах расползались по его венам вверх, к самому сердцу, стремясь превратить его в монолитную глыбу.

Для обычного человека это было темным проклятием, но

для моего земного инженерного ума картинка была предельно ясна. Это был классический низкотемпературный затор в гидросистеме. Попадшая в рану серая коррозия взломала внутренний контур зверя и заставила его собственную ледяную магию кристаллизоваться прямо в сосудах. Вены ящера забило хаотичными ледяными тромбами, кровь перестала циркулировать. Зверь буквально выгорал изнутри от своего же заблокированного холода.

Лекарства от самой скверны у меня не было. Но «Огненная клюковка» была идеальным техническим антифризом. Высокий градус спирта и жгучий корень огневика могли сработать как мощный реагент. Если влить бальзам внутрь, он расширит сосуды, принудительно растопит ледяные иглы и восстановит циркуляцию, подарив зверю время. Это была чистая технологическая логика.

— Фома, — я резко обернулась к замершему старику. — Где та бутылка с «Огненной клювкой», которую мы отложили для замеров плотности сусла?

— Так вот она, у меня за пазухой, миледи! — старик дрожащими руками вытащил из-за пазухи сосуд. — Отдать не успел, налетчики Хаггарда помешали.

— Давай сюда. И готовь чистую холстину. Быстро.

Я перехватила бутылку, зубами выдернула пробку и подошла к раненому ящеру. Зверь напрягся, в его золотом глазу промелькнула паника, но я мягко положила свободную ладонь на его холодную, покрытую чешуей морду.

— Тихо, хороший, тихо. Я не лечу тебя, я просто промою твои магистрали и растоплю этот лед.

Я наклонилась и с силой влила крепкую, обжигающую «Клюковку» прямо в его приоткрытую чешуйчатую пасть. Жидкость мгновенно ушла внутрь.

Я плотно прижала ладонь к его шее, активируя бытовой дар. Моя магия работала на молекулярное очищение и стабилизацию. Концентрированный состав сработал как мощный проводник, погнав бальзам по забитым сосудам и растапливая ледяные иглы. По венам ящера вверх, к самому сердцу, побежали живые, ярко-синие искры ледяного резерва. Затор в жилах распался, возвращая циркуляцию магии. Коррозия на раненой лапе не исчезла, но мертвенное оцепенение отступило, даруя зверю временное облегчение.

Огромное существо судорожно выдохнуло, выбросив из ноздрей густую струю пара. Белесый туман с его золотого глаза наконец сошел вертикальный зрачок с трудом, но сфокусировался на мне. Ящер издал короткий, почти урчащий звук и мягко, с благодарностью прижался массивным чешуйчатым лбом к моему плечу, едва не сбив меня с ног.

— Получилось... — выдохнула я, упираясь ладонью в обледенелый край помоста и устало отирая рукавом пот со лба. — Затор в магистралях мы пробили, Фома. Кровь снова циркулирует, но это лишь временная мера. Скверну «Клюковка» не выжгла. Мы просто выиграли для него время. Нужно зафиксировать сломанное крыло...

Договорить я не успела.

Позади нас, со стороны винтовой лестницы, раздался шум шагов. Подкованные армейские сапоги жестко чеканили шаг по каменным ступеням.

Фома с перепуга выронил масляный фонарь, и тот со звоном покатился по полу. Фитиль внутри окончательно погас. Зал снова погрузился в глухую темноту, но в этом мраке не было пустоты.

Из темноты дверного проема медленно вышла высокая фигура. Тяжелый походный мундир Империи был безжалостно разорван на плече, серебряные пряжки ремней покрывал толстый слой инея, а на правой скуле, прямо поверх синей драконьей чешуи, запеклась темная, прелая гарь. Генерал Валлиан Блейк дышал так тяжело, словно только что вручную удерживал падающую крепостную стену.

# Глава 11. Анатомия скверны

Его глаза горели во мраке двумя безжалостными, слепящими огнями боевого резерва. Вертикальные зрачки сузились в нити, хищно фиксируя каждую деталь: распахнутую железную дверь, уходящий к отдушинам едкий дым и, наконец, меня. Палаш со свистом покинул ножны. В замкнутом пространстве этот чистый стальной звук ударил по барабанным перепонкам как щелчок взводимого курка.

— Живая, — его голос больше не был тихим, он вибрировал в самой кладке фундамента, заставляя виски взрываться тупой болью. — Какого черта вы тут устроили, Элиза? Наверху все разнесено к чертям, коптит так, что дышать нечем! Я только что лично заковал Хаггарда в кандалы и отправил этого бандита под конвоем в казематы крепости. Я был уверен, что вас похитили или заживо сожгли эти твари! Мои люди прочесывали Посад, а вы прятались в этом старом погребе?

Я сделала глубокий, медленный вдох через нос. Паника — это нерациональная трата кислорода, а мне сейчас требовался каждый сантиметр воздуха. Пальцы на руках мгновенно задеревенели от его магии, но мой мозг продолжал фиксировать переменные: мундир разорван, резерв работает на износ, патруль Кренца за его спиной тяжело переминается с ноги на ногу, а на ледяном помосте за моей спиной тихо

урчит пятитонное чудо.

Я сосредоточилась на остатках тепла в груди и резко, с силой вытолкнула сиреневый импульс дара через носки сапог прямо по обледенелому полу — туда, где валялся фонарь Фомы. Медный корпус в темноте коротко щелкнул, фитиль поймал искру, и ровный, плотный желтый луч разрезал мрак, ударив точно в центр зала.

Свет выхватил колоссальные чешуйчатые кольца хвоста, огромные кожистые крылья и бронированную шипами морду, которая медленно приподнималась с помоста.

Блейк резко замер, словно наткнулся на невидимую стену. Его суровое, исчерченное гарью лицо на глазах сделалось мертвенно-бледным. Пальцы дракона судорожно разжались. Тяжелый палаш выпал из его руки, ударился об пол и покатился к моим ногам. Валлиан смотрел на раненого зверя, не мигая, а лазурный огонь в его глазах испуганно, беспомощно задрожал, сменяясь человеческим, диким потрясением.

— Единый под крышкой... — сорванным, сиплым шепотом выдохнул за его спиной сержант Кренц, и **стальная дуга его арбалета** мелко застучала о бронированный нагрудник. — Живой... Это же боевой ящер полковника Рейнарда!

Генерал сделал один неровный шаг назад, тяжело хватаясь рукой за ледяной выступ стены, словно гранит под его ногами внезапно превратился в зыбучий песок. Его взгляд лихорадочно скользил по форме правых шипов зверя, по силуэту

сломанного крыла и старому полковому клейму штурмовых отрядов на левом боку.

Генерал стоял неподвижно. Его пальцы, глубоко ушедшие в ледяную корку на стене, мелко дрожали, оставляя на прозрачном массиве глубокие борозды.

— Кренц, уводи старика, — Валлиан не обернулся, но его рокот заставил сержанта мгновенно вытянуться. — Объявить чрезвычайное положение на территории мануфактуры. Официальная причина — ликвидация последствий нападения пособников Хаггарда. Выставить оцепление по периметру забора. Сюда не должна просочиться ни одна живая душа. Выполнять.

Сержант молча, по-медвежьи сгреб Фому за шиворот. Старик даже не успел пискнуть — его сапоги лишь глухо зашуршали по каменной крошке лестницы. Сверху с глухим хлопком встала на место тяжелая железная дверь.

Мы остались вдвоем посреди заиндевевшего круглого зала. Блейк медленно опустился на одно колено прямо перед помостом. Его огромная ладонь без перчатки легла на покрытую шрамами морду раненого зверя. Лазурная чешуя на скулах генерала пульсировала прерывистым, тусклым светом.

— Двадцать два года назад отряд моего брата пропал без вести в этих местах — Валлиан говорил тихо, обращаясь к ящеру, словно меня здесь не было. — Столица объявила их изменниками. Они состряпали приказ о дезертирстве, объ-

явив, что полковник Рейнард Блейк забрал армейскую казну и бросил рубежи. Судейские чиновники скормили всем сказку, будто полковник сбежал с застав и просто замерз в буране на Безымянном плато в ста верстах отсюда. Они замяли это дело за три дня, заклеив нашую семью позором, а ты... ты все это время умирал здесь, внизу.

Генерал тяжело поднялся. С его мундира от резкого движения осыпалась серая копоть, обнажая рваное сукно на плече. Он повернулся ко мне, и в его зрачках отразился блеклый желтый огонек масляного фонаря.

— Я прибыл в этот медвежий угол Севера не ради поимки воров Хаггарда и не ради ваших грошовых недоимок, Элиза. Мне нужны найти информацию о брате. Единственная цель этого назначения — доказать, что его отряд подставили, и очистить имя семьи Блейков от позорного клейма дезертиров. Этот ящер — живое доказательство, Элиза. Полковник не бежал в Столицу через плато. Он лично запер эту железную дверь и наложил на нее именную родовую печать. Рейнард не мог бросить искалеченного зверя здесь и уйти в столицу, он уходил, будучи уверенным, что скоро вернется за ним. Но не вернулся.

Я скрестила руки на груди, упрямо игнорируя дрожь в затекших от холода пальцах.

— Ваше следствие завязло в тупике, генерал, — сухо ответила я, глядя прямо в его лазурные глаза. — И этот след окончательно остынет через несколько часов, если мы прямо

сейчас не перейдем от семейных мемуаров действиям. Ваш свидетель умирает.

— — Сентиментальные рассуждения не поднимут вашего зверя на крыло. Давайте разберем физику процесса. Попавшая в рану серая коррозия сработала как агрессивный катализатор замерзания. Она взломала внутренний контур ящера и превратила его естественную ледяную магию в хаотичные тромбы реликтового льда. Кровь застыла в венах, магистрали забились, и начался некроз тканей.

Генерал молча слушал, его ладонь по-прежнему лежала на бронированном затылке зверя.

— Моя «Огненная клюковка» — это не панацея, — я жестко кивнула на треснувшую бутылку, где на самом дне еще оставалась плотная рубиновая фракция. — Считайте её экстренным противоморозным антифризом, техническим реагентом. Высокий градус этанола и концентрированные эфиры огневика под давлением моего дара очищения просто пробили этот низкотемпературный затор. Мы восстановили циркуляцию и выиграли время. Но сама скверна на лапе никуда не делась. Прелая корка продолжает тлеть. Ему нужен не согревающий энергетик, а полноценное лекарство, которого у нас нет. Мы дали ему отсрочку, и счет времени до возвращения ледяного тромба идет на часы.

Блейк медленно повернул голову. Его вертикальные зрачки хищно сузились, фиксируясь на мне, а лазурная чешуя на скулах пошла бешеной, злой неоновой пульсацией. Он сде-

лал шаг вперед.

— Вы, гражданские, понятия не имеете, что такое Бездна на самом деле, — генерал резко нагнулся над столом, и его голос сорвался на глухой, вибрирующий рык. — Вы судите о ней по трухлявым доскам на старых складах да по заплесневевшему зерну, которое приходится выбрасывать в утиль. Думаете, сразу можно выскоблить ножом и залить известью? Бездна — это прожорливое ледяное Ничто. Она за секунды сжирает дерево, разъедает металл до сквозных дыр и превращает человеческие кости в рассыпающийся пепел. Знаете, как это бывает? Она прорывается прямо сквозь ткань реальности! В воздухе расползаются пульсирующие трещины. Разломы дышат, земля под ногами начинает вибрировать, а ваши датчики на котлах испуганно прыгают, потому что Бездна ломает саму природу, превращая ваши дурацкие инженерные законы, которые вы так любите, в мусор!

Он с силой ударил кулаком по каменному верстаку.

— Из этих разломов с голодным рокотом вываливается серая коррозия. Тяжелый, удушливый, иссушающий знойный туман из мертвого пепла. Эта скверна ведет себя как живая. Там, где оседает этот туман, вековые северные сосны за секунды высыхают и рассыпаются в черную пыль. Медные трубы и железо покрываются прелым налетом, сгнивая до сквозных дыр на глазах. А кости и плоть людей... Бездна заживо высушивает их, превращая человека в рассыпающуюся золу за один вдох. У этой заразы есть свои проводники,

Элиза. Ткачи Пепла. Это жуткие монстры, сотканные из черного дыма. Живой эпицентр сухой пустоты, который выжигает реальность вокруг себя. Если они придут сюда, вы даже испугаться не успеете.

Блейк приблизился вплотную, обжигая меня бешеным, ледяным выдохом.

— И прорывы случаются все чаще, Элиза. Бездны вокруг становятся больше с каждым циклом, она наступает, выдавливая нас из этих земель. Мы теряем опытных солдат в каждом рейдовом вылете, резервы тают на глазах. Скоро некому будет защищать эти рубежи. Еще пара месяцев в таком темпе, и вся оборонная линия Северного предела захлебнется в сером пепле.

Генерал тяжело перевел дыхание, и его челюсть судорожно дернулась.

— То, что ты назвала затором в магистралях, у нас называют драконьим выгорание. Чтобы держать лазурные щиты Боевого Льда и закрывать эти трещины на передовой, мои люди выжимают свои магические резервы до самого дна. Но Бездна высасывает из них жизнь. Без постоянной подпитки тепла их собственная кровь кристаллизуется иглами прямо внутри сосудов. Вены чернеют, каналы лопаются, и солдат за пару часов превращается в ледяную статую. Обычные лекарства и микстуры Столицы бессильны против этой этого. От казенной сивухи у драконов только сосуды лопаются. А твоя настойка растопила лед в жилах пятитонного исполина

за три минуты.

Он зафиксировал мой взгляд своим суженным лазурным зрачком.

— Нам нужен этот катализатор, женщина. Весь объем, который способна выдать твоя мануфактура. Иначе рубежи рухнут. Что скажешь? Потянешь такой оборонный заказ?

Серая коррозия на раненой лапе зверя едва заметно запульсировала, словно напоминая, что выигранное время неумолимо истекает. Ящер тяжело вздохнул, и облако его морозного дыхания медленно растворилось в сыром воздухе казематов.

— Триста бочек в месяц, Блейк, — я нарушила тишину, выпрямляясь и убирая испачканные в синей слизи ладони с верстака. — По три золотых имперских лиры за штуку. И полная защита мануфактуры. Мне не нужны пособники Хаггарда, караулящие моих рабочих у забора, и мне нужно бесперебойное сырье со складов посада. Спешите мою недоимку по налогам прямо сейчас, и мы запустим чаны на полную мощность.

Генерал молчал, его суровый взгляд буравил гранитный пол, на котором все еще лежал выроненный палаш. Лазурный свет на его скулах медленно угасал, возвращая лицу привычную, холодную человеческую бледность. Походный мундир с разорванным плечом делал его фигуру сейчас менее монолитной, но скрытая в нем военная угроза никуда не делась.

— Триста бочек, — жестко произнес Блейк, наконец поднимая сталь с пола и с сухим щелчком возвращая её в ножны. — По четыре имперские лиры. Казна пограничного гарнизона не станет оплачивать аппетиты провинциальных технологов, Элиза.

Я замерла, удивленно вскинув брови и не торопясь отвечать. Изначально я планировала просить три, но генерал только что сам, своими руками поднял планку до четырех. Калькулятор в моей голове мгновенно пересчитал чистую маржу.

Блейк перехватил мой взгляд, на секунду нахмурился, переваривая смысл собственных слов, и тяжело потер переносицу затянутой в перчатку рукой.

— Простите, — глухо процедил он, и в его голосе проступила свинцовая, глубокая хрипота. — По две имперские лиры за бочку. Я слишком устал сегодня, чтобы правильно считать нули в казенных ведомостях. На заставах был ад. Забудьте про четыре.

— Девятьсот золотых лир за триста бочек по три лиры — это все равно пыль по сравнению с тем, сколько Министерство Столицы сдерет с вас за казенные эликсиры, — произнесла я тише. — Те микстуры к тому же не работают. Мой катализатор — это цена выживания вашего полка, генерал. Позвольте мне помочь вам удержать Боевой Лёд на заставах, либо оставьте все как есть и готовьтесь хоронить своих людей в сером пепле.

Генерал медленно потянулся к кожаному под сумку на поясе. Извлек оттуда тяжелую дорожную чернильницу и кусок плотного армейского пергамента, он с размаху опустил их на каменный стол, прямо рядом с треснувшей бутылкой «Клюковки».

— Триста бочек. По три золотых, — процедил он, вытаскивая из петли мундира стальное перо и начиная быстро, размашисто набрасывать строчки официального оборонного приказа. — Налоги мануфактуры Алуа списываются в счет государственного обеспечения. Поставки инейника и охрану периметра я беру на себя. Но учтите, Элиза: если патрули на заставах выгорят из-за задержки партии, я лично заколочу этот завод вместе с вами.

— Договорились, генерал, — я спокойно дождалась, пока он размашисто подпишет пергамент и припечатает его тяжелым фамильным перстнем. — Да и мертвый ящер в казематах нам обоим ни к чему. Теперь у нас общая задача — успеть найти способ полностью выжечь скверну до того, как этот ледяной затор вернется в его жилы.

На ледяном помосте, под глухое и прерывистое дыхание раненого зверя, генерал Боевого Льда и приграничный технолог скрепили своим первым вынужденным соглашением начало тайной войны за выживание Северного предела.

## Глава 12. Чертежи из пепла

Утреннее солнце едва пробивалось сквозь узкие, покрытые изморозью окна главного цеха. Лучи подсвечивали мириады пылинок, лениво кружащихся в холодном, стоялом воздухе. На винокурне царила мертвая тишина, нарушаемая лишь мерным стуком капель конденсата, срывающихся с медного куба на каменный пол.

Я стояла посреди огромного, засунув руки в карманы теплой шерстяной безрукавки. На деревянном столе перед перегонным аппаратом лежал вчерашний пергамент с тяжелым оттиском перстня Блейка. Девятьсот золотых имперских лир.

Рядом со мной топтался Фома. Старик нервно теребил засаленный фартук, его пальцы мелко дрожали, а голос сорвался на сиплый, прерывистый шепот:

— Ох, миледи Элиза... Ну и денек был вчера, — старик уставился на меня с каким-то диким, суеверным почтением. — Сержант Кренц меня за шиворот наверх тащит, солдаты у ворот тройной караул выставляют, чрезвычайное положение на заводе объявляют... А всё из-за того, что вы, миледи, полезли в старый погреб и вытащили оттуда такое чешуйчатое чудо, от одного вида которого у целого генерала Боевого Лда руки затряслись и палаш на наст полетел!

Он испуганно перевел дыхание и заглянул мне в глаза:

— Никого ведь из рабочих сегодня нет, хозяйка. Я до самого перекрестка ходил, у ворот караулил. Мужики из посада даже носа не кажут. А ведь вчера клялись, что за серебряные готовы сутками от кубов не отходить.

— Прихвостни Хаггарда? — я не повернула головы, продолжая разглядывать манометр на паровой магистрали. Стрелка лежала на нуле. Давления не было. Без людей заготовить дрова и растопить печи было физически невозможно.

— Они самые, миледи, — Фома испуганно оглянулся на запертые дубовые двери цеха, словно бандиты арестованного старосты могли материализоваться прямо из кирпичной кладки. — Люди Сивого с утра по деревне прошлись. Сказали, у кого ноги лишние или избы- пусть идут к сумасшедшей девке Алуа спирт гнать. Мол, армейское оцепление генерала у ворот вечно стоять не будет, а как солдаты снимут посты, Сивый лично с каждого спросит. Мужики и забились по подполам. Голод не тетка, но жить всем охота.

Я подошла к столу, провела пальцем по шершавому краю пергамента. Контракт Блейка был защитой, но генерал выставил караул для охраны подвала со зверем, а не для того, чтобы приводить сюда за руку каждого кочегара.

Мой мозг выдал единственный логичный шаг. Бойкот — это не физическое явление, его нельзя отфильтровать или осадить химикатами. Это экономический страх. Значит, лечить его нужно встречным экономическим предложением.

— Фома, неси мешок с серебряными грошами, — я туго

завязала тесемки на ворота рубахи, не оставляя себе времени на сомнения. — Выгребай всю нашу заначку. Это наш последний оборотный капитал, и сейчас мы пустим его в дело.

— Хозяйка, помилуйте! Куда вы? — старик семенил следом, хватаясь за мой рукав. — Там же на площади люди Сивого караулят! Затопчут, и глазом не мognут!

— Пусть попробуют, — я с грохотом толкнула тяжелую дубовую створку ворот, впуская в душный цех волну колючего северного воздуха. — Нам нужно триста бочек, Фома. И если мужики не идут к кубам, значит, технолог идет к мужикам.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.